

Кристин Харпер

**Харв из тундры - боль,
которую я отпускаю**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.6
ББК 84
К82

Кристин Харпер

Харв из тундры - боль, которую я отпускаю / Кристин Харпер;
худ. Кристин Харпер — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. —
81 с.

ISBN 978-5-532-94218-9

Крайний Север суров и прекрасен, его просторы не заканчиваются у Карского моря. Чтобы выжить в нём, необходима стойкость. Это история маленькой девочки из тундры. Харвне. История взросления и формирования мировоззрения. О боли, о ненависти, о разочаровании, о прощении. Настоящая, не выдуманная история! Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-94218-9

© Кристин Харпер, текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Привет, меня зовут Харв, я родилась и выросла в тундре. Родилась буквально на улице. Январская ночь и минус сорок на улице. Озеро Харвато, лёд и пронизывающий ветер. Уже с рождения, жизнь начала меня испытывать на стойкость. Нет. У нас нет диких традиций на подобии, как у спартанцев. Всё это киношные выдумки, для зрителя, который дальше своего двора, мало что видел. У ненцев, народа Северных просторов, довольно человеческий, хоть и тяжёлый, но простенький быт. Нет диких обычаев. Нет человеческих жертвоприношений. Хоть нас и считают контактными аборигенами. У нас нет и не было, тех традиций, которые нам приплетают общество. Цивилизованное, возвышенное общество. Жену гостю никто, никогда не предложит и не предлагал. Да, народ немногочисленный. Но сохранение численности настоящих людей, как у нас говорят «ненэй' ненэця'», что и переводится, как настоящий человек, сохранялось именно, сохранением ненецкой крови. Ребенок имеющий русскую кровь не считался ненцем, про таких говорили «луца сылка», луца – русский, сылка – отродье. Да и таких, межнациональных браков между кочевыми народами и городскими, было не много. Скорее, даже редкость. Допустимо было брать в жёны, из соседних народов, ханты, селькупы, коми. Да и разделяли кочевые пути ненцев и другие северные народы, не только Обская губа, но и просторы тундры и густые объятия тайги. Средняя ширина Обской губы – пятьдесят, шестьдесят километров. На оленьей упряжке, такой путь займет от одних суток, до двух дней. Такой путь, вознаграждался невестой с хорошей генетикой и здоровым продолжением рода. В наших ненецких легендах, ненец доезжает до края земли, преодолевает ветер, пробирается сквозь густой лес и доезжает до мест, где живут высокие люди. В малицах и ягушках, которые разукрашены большим количеством орнаментов. Золотыми волосами и голубыми глазами. Так, в наших легендах, возможно и описали народ Коми. В них у главы семейства, дыхание способно вызвать ветер, что явно является ассоциацией носа. У ненцев маленькие носы, а у Коми будут покрупнее. Сами Коми внешностью, схожи больше со славянами. Таких невест было не много, но их описали как дочерей больших людей, живущих на земле богов, где невеста краше, где земля

богата, где олени больше ростом, где ягель растёт густо, где леса богаты дичью. Я не утверждаю, что так и было, но думаю так жители тундры описали, где нет почти лесов, местность по другую сторону Обской губы, ведь там действительно, погода мягче, ягеля больше, дичь снуется в округе, а олени действительно рослые. Легенд много и каждую можно парировать по-разному. Но, никто этим особо то и не занимался. О нашем народе сказано мало, в большинстве случаев голимое враньё.

Среди национальных блюд, нет копальхельма и кровяных лепёшек. Многое написанное в Википедии сплошное враньё. Нет традиций, приписанных нашему народу. Нет культа поклонению инородных детей. А сейчас нет уже и самой истории нашего народа. Легенды о наших богах мертвы. Тех кто мог описать их мертвы. А сейчас и вовсе сохраняемая древняя культура кочевого народа Крайнего Севера, медленно погружается а небытие. Традиции других народов приплетаются нашему народу, а тундровики жмут плечами и ничего не меняют. Сказали, ну и ладно. Да будет так. А история? История народа, возможно забудется уже в следующем поколении. Сейчас дети тундры, стесняются своего происхождения. И всё, благодаря давлению со стороны общества. А стесняюсь ли я? Нет! Я года, что я выходец из малочисленного, но сильного народа. Сумевшего основаться на Севере и не просто выжить, а жить в суровых условиях.

Численность моего народа сейчас, представляет собой примерно сорок четыре тысячи людей. Кочуют от Карского моря и до Таймыра. Уклад жизни и быта, естественно разнится от расстояния и кочевых угодий. Я же рассказываю лишь о той, культуре, которая мне не чужда. О тундровой жизни на полуострове Ямал и о своей жизни, детстве в тундре.

В современном обществе, так же принято критиковать КМНС тем, что наши народы находятся в программе сохранения. Но.! Такого на самом деле нет и не было. Наши прадеды, как и все при СССР, были репрессированы. Многие умирали с голоду. наших шаманов объявляли врагами народа, их забирали, увозили и в тундру они больше не вернулись. Когда наступила война, отбирать начали

последнее. Мужчины уходили на фронт. С голоду многие гибли, гибли и на фронте. Хотя каждый второй, цивилизованный человек кричит о том, что они погибали на фронте, а Ваши народы из числа КМНС, даже не призывались. Сохранялись даже во время войны. Ну...это Ваш миф. Так, накидать пуху на свою грудь и гордиться собой. А гордиться мы должны нашими дедами, которые прошли войну, а не перекидывать их заслуги на себя, мы можем лишь помнить и рассказать о них. Именно рассказать о их заслугах! Их! Не наших. Не Ваших, не моих, а только о их победе! Победе наших и Ваших дедов! Тех кто прошёл войну.

Наши мужчины служили на фронте. Воевали на оленьих упряжках. Некоторым сложно это представить. Кто-то скажет, что за чушь? Но...если бы не только гордились заслугами своего народа, раскидывая пальцы веером, за заслуги принесенные во благо стране, Вашими и Нашими дедами. Но и знали всю историю ВОВ, то никто бы не сказал тому, кто не славянин: «Мой дед погиб на фронте, защищая Ваши задницы, националов». Вот так вот заведено, если не являешься славянином, приходится слышать много оскорблений. А мой народ, думаете не был на фронте? Был. Только вот, не на танках, а на упряжке с пятью быками. Уходили на фронт, как пушечное мясо. Эти упряжки спасали жизни раненых, вытаскивая пострадавших не только с поля боя, но и довозя до госпиталя. Наша численность всего сорок четыре тысячи. Но батальонов-оленеводов, за все время ВОВ, было три. Численность, в последнем батальоне пять тысяч шестьсот человек. Думаю, призывников, для народа, чья численность не больше пятидесяти тысяч и даже меньше, думаю внушительная. В то время численность ненцев была ещё ниже. Обидно, что цивилизованные, живущие в двадцать первом веке, так легко стирают из ВОВ заслуги наших мужчин. Мы такие же Россияне. Мы живём, по тем же законам. У нас нет особых привилегий. Многие ненцы, до сих пор не имеют своих квартир. Только родной чум, построенный своими руками и стоящий на родных угодьях. Если загуглить, то у ненцев привилегий море, а по факту их нет. Редко, когда ты можешь попасть под какую-нибудь программу, соответствуя всем пунктам. Ну, а как же бесплатная аптечка? Так у всех Россиян, есть возмож-

ность выписывать лекарства бесплатно и получать их в муниципальной аптеке. Выбор, конечно не велик, но всё же. Старый добрый парацетамол, дротверин и далее подобное этим лекарствам. А бесплатная печка раз в три года? Боже мой, да это же и вызвало дефолт в две тысячи восьмом. Конечно, все кризисы из-за печки. Шучу. Естественно, я проявила сейчас сарказм. Если бы на наших угодьях не качали газ, а сейчас уже и нефть, то мы в принципе, наверняка никому и не были бы нужны. Как говорят наши депутаты «Сохраним КМНС» и «Ямал – сокровищница России», во время выборов и только. Только вот, депутатам всё равно, что ЯНАО богат не только ресурсами, но и культурой. Многовековой, сохранившейся культурой. А какие у нас люди? Разные по характеру. Совершенно разные. Добрые, отзывчивые, трудолюбивые, ленивые, хитрые, злые, счастливые, несчастные, строгие, завистливые, открытые, спокойные, агрессивные, состоятельные, бедные и даже иногда нищие. Как везде. Есть и хорошие и плохие. Такие же Россияне, умеют и любить, и ненавидеть. Если Вы решили, что я русофобка, то Вы ошибаетесь. Я никогда не страдала расизмом. Я страдала от расизма. Думаю, вы никогда не слышали фразы «Да если бы, не мы русские Вы бы так и срали в штаны. Мы научили Вас буквально срать». Да ладно? Серьезно? Это в серьёз, кто-то так думает? Неужели, так положено, оскорблять и унижать чужие народы. Кто дал этому человеку, позволяющему себе оскорблять чужие народы, воспитание? Или скорее допустил, отсутствие воспитания. А как же выражение, Россия для русских? Так я тоже, получается, частично русская, я из России, но не славянка. Мы все в России русские. Даже если нет, откуда столько злобы? Правильно наверно говорят, если угрозы нет из вне, то борьба начинается внутри. Может это тот случай? Почему нельзя, просто остаться человеком? Не подобием человека, который плюётся ядом, ссылаясь на тяжёлую судьбу и правом на подобные действия, ибо с ним обошлись так же. Человеком можно остаться в любых ситуациях, если хочется быть им. Я слышала не мало гадостей. Откуда? От людей, которые кичатся в интернете и раскидывают оскорблениями, в адрес не одного человека, а целого народа. Сейчас я веду блог, в ТикТок и неадекватных людей там достаточно.

Ну а я, рассказываю о той культуре, которая мне не чужда. А этот роман уже о моей жизни, о моём взрослении и о том, через что я прошла, за свою небольшую жизнь.

Меня жизнь была не раз. За всю свою небольшую, двадцати шестилетнюю жизнь, я была на грани смерти три раза. Первая из них моё рождение. За право жить и ходить по этой земле, я начала бороться с первых минут своего появления на свет. Описать, что я могла в этот момент чувствовать не могу, я не помню себя маленькой.

Со слов родителей, роды у матери начались, во время поездки, на седьмом месяце беременности. Отец пытался довести мать до больницы. Сто километров до ближайшего поселка. Холод минус сорок и пронизывающий ветер. У мамы начались схватки. Покрываясь холодным потом, она уже почти теряла сознание. Отец оглядывался назад, на мать сидящую на нарте всю дорогу. Но когда она уже перестала держаться за нарту, он остановился. Он снял свою малицу и постелил на снег. На него положил мать. Велел не терять сознания. Расстегнул ей ягушку, готовясь принять роды. Опытному ветеринару и зоотехнику, весь процесс родов был знаком. Но здесь он растерялся.

— У тебя начались роды, — в состоянии шока сказал отец, увидев, что моя голова лезет наружу.

— А я прям не заметила, — тяжело дыша и тужась, выдавила сквозь зубы мама. Она терпела и стала не замечать боль.

Роды принял отец, действуя под четкие указания матери. В состоянии стресса, он насколько растерялся, что не смог предпринять никаких действий без подсказок матери.

Всё время родов, они не замечали, ни холода, ни ветра. Я вышла на свет. Не закричала. Не открыла глаз. Не дышала.

— Ударь пальцем ей по попе, — сказала напуганная мама. Её прядки волос, были покрыты инеем, а в глазах тускнела надежда, рождая отчаяние.

Отец несколько раз ударил по попе. Я начала дышать, едва ли. У меня не хватило сил закричать и оповестить тундру о своём рож-

дении. У меня не было никаких признаков жизни, кроме слабого дыхания. Отец разрезал пуповину и завязал её. Расстегнул верхние повязки ягушки матери. Они положили меня к груди матери, и закутали под ягушкой, что б я не замерзла. Мать чувствовала слабое бие моего сердца, молясь мысленно Ямине, чтоб богиня плодородия и покровительница детей и женщин, дала мне сил выкарабкаться.

Мама с папой вскоре приехали в ближайший рыбацкий поселок, Сюнай-сале. Там нас с мамой осмотрели и сказали матери, что я в коме и возможно не жилец. Позже прилетела сан.авиация и забрала нас с матерью в поселок Яр-сале.

Меня положили в самодельный бокс, сохраняющий определенное тепло, состоящий из каких-то ламп и накрытый плотным слоем пелёнок. Дышала я слабо, но самостоятельно. Капельница подвешенная к пупку и пульсометр. В этой больнице, тоже не надеялись на то, что я выживу.

– Молись, чтоб она выжила! – строго сказала моей матери акушерка. – Если твой ребенок умрёт, я тебя посажу!

Акушерка, сказала так, лишь по той причине, что матери ещё до моего рождения запретили ехать в тундру, посоветовав лечь в больницу на сохранение. Но она не могла так долго оставаться в больнице, так как в тундре её ждали мои братья и сестры, двух, четырех и шести лет.

Мама не могла ни спать, ни есть. Она долго плакала, сидела рядом со мной и молилась своей богине.

Приподняв переноску, имитирующую бокс для недоношенных, мама завязала красную плетёную нить мне на руку. Она была принесена отцом. Красная нить, снятая с тотема охраняющего нашу семью. Мяд пухуча, хадакоча – бабушка, дух предка. Нить была старой, частично почерневшей.

– Это что такое? – крикнула с высока на мать медсестра, зашедшая в палату сменить капельницу, медсестра. – Эта нитка грязная, что за антисанитария.

Мать промолчал.

– Быстро снимай, – скомандовал медсестра. Эта женщина держалась очень высокомерно, открыто показывая свою неприязнь. – Как Вы вообще, пронесли такую грязь в больницу?

– Не трогай нить! – строго запретила опытная акушерка, проработавшая в этой больнице несколько десятилетий. Она знала многое о культуре ненцев и видела подобную не в первый раз. – Оставь девушку в покое.

Акушерка выпроводила медсестру из палаты, попутно отчитав, за проявленное высокомерие. Более мать не трогали. Она всё время сидела рядом со мной. На третий день я открыла глаза. Заметив это, мама с криков выбежала в коридор.

– Она открыла глаза! Она открыла глаза!

Все вокруг засуетились. Врач-акушер не допускала мысли, что я могу выжить, но... я выжила, поборов своё право на жизнь.

Родилась я на улице, в ночь пятнадцатого января. А шестнадцатого, меня привезли в больницу, так шестнадцатое января стало моим днём рождения. Так как зафиксировано рождение, именно шестнадцатого. Но моя мама, всегда поздравляет меня с днём рождения именно пятнадцатого. Только появившись на свет, я оказалась на грани смерти. Сурова ли жизнь? Да, сурова. Это было не последнее испытание в моей жизни. Впереди меня ждало много разочарований.

Сколько же мне было, когда я возненавидела отца всем сердцем, гадать можно вечно. Может год, может два, я не помню. В моём детстве много белых пятен. Сначала я думала, что так и должно быть. Что так и должен вести себя отец. Воспринимала это за строгость. Лет до пяти. Думала, что у меня строгий отец. А оказалось, что мой отец просто АБЬЮЗЕР. АБЬЮЗЕР – самоутверждавшийся за счёт своей семьи. Он бил и мать и нас. Пил редко, но представлялась возможность, мог неделями. Страдали ли мы от его пьянок? Ещё как. Плакали, прятались, ходили с синяками. Но как ни странно, но мы все воспринимали это как что-то нормальное и вполне приемлемое. Стыдно было лишь тогда, когда он называл нас последними словами при посторонних людях. Шлюхами, проститутками, немощными отребьями, обращался порой как с собаками, пинал под

задницу если не смог догнать оленя. На минуточку, оленя! Что нереляльная задача для ребенка в пять – десять лет. Злился порой с пустого места. Можно ли было, выхватить поджопника просто так? Да легко. Страшно то, что мы воспринимали всё это, действительно за что-то нормальное и приемлемое. О том, нормально ли это я задумалась, лишь когда поняла, что друг к отцы так со своими детьми не поступают.

Я помню когда мне было чуть больше четырёх лет. В позднюю весну. Не могу передать все детали, но это произошло после каслания. Прикослав в новое место, оленей распрягли, отец пошёл отгонять оленей на пастбище. Мама в одинокого ставила чум. Хотя скажу, что чум ставят как минимум два человека. Помню мама сама ставила шесты, натягивала нюки. Ей помогали старший брат Павел – одиннадцать лет на тот момент и старшая сестра Аня – девять лет. Где-то рядом помогала Альбина, которой семь лет. Я же качала люльку самой младшей сестры Марты, которой не было и года.

Когда отец вернулся, мама двумя шестами натягивала на чум нюк. Один нюк имеет вес в сорок-пятьдесят килограмм и одному поднимать его очень тяжело.

Маме приходилось тяжелее всего. Институт семьи в тундре, очень суров. Среди тундрового населения, не встречается разводов по сей день. А уж на тот момент, развод неизгладимый позор. Не смотря на это, мать сбегала от отца. Он же силой заставил вернуться и после, бил её всю молодость, до тех пор пока мы не выросли.

Даже не подумав, помочь матери, отец гаркнул.

– Надо сети поставить, мне нужна помощь, – сказанное значило, что кому-то из детей необходимо ему помочь.

– Аня и Паша нужны здесь, мне без них не справиться, – сказала мама.

Маленькая Марта в истерике заплакала. Она уже долго находилась в люльке. Возможно она некомфортно себя чувствовала из-за природных нужд. Я активно качала люльку, но тщетно.

– Аля, – позвала мама сестру.

Аля без лишних слов подбежала. Мать посадила сестру на нарту и на колени ей положила люльку.